

---

**«ЛИХОИМСТВО ЕСТЬ ЦЕЛЬ ВСЕХ СЛУЖАЩИХ...»:  
О ЗОУПОТРЕБЛЕНИЯХ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ  
РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ  
КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г.**

**В.Я. Гросул**

Центр «История России в XIX в.»  
Институт российской истории РАН  
*ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 115036*

В статье идет речь о коррупции в местных органах власти Рязанской губернии в конце 50-х гг. XIX в. Прежде всего приводится отечественная и зарубежная литература по истории взятки в дореволюционной России и отмечается, что официальных данных по взяткам в России до сих пор выявлено очень мало. Автор подробно останавливается на специальной записке, обнаруженной им в архиве III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, которая в значительной степени восполняет наши представления об уровне и масштабах лихоимства и коррупции в российской провинции середины XIX в.

**Ключевые слова:** коррупция, лихоимство, взятка, чиновник, губернатор, III отделение, губернские учреждения, Казенная палата.

Подготовка Крестьянской реформы в России в 1861 г. прошла через ряд этапов, каждый из которых отмечен проведением соответствующих мероприятий. Одним из них стал сбор сведений о состоянии общественного мнения в стране в целом и во всех ее регионах в частности. К сбору материалов по состоянию общественного мнения было прежде всего подключено III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, которое с самого его создания занималось этим вопросом. Кстати, самый первый отчет этого отделения, подготовленный в 1827 г., начинался с раздела «Краткий обзор общественного мнения в 1827 г.» (1). И в дальнейшем сбор сведений о состоянии общественного мнения был одной из важнейших задач работы Отделения, хотя его чаще стали называть «расположением умов», и в ежегодных отчетах этот раздел стал занимать несколько меньшее место, чем раньше.

Подготовка реформы потребовала детального изучения состояния умов в губерниях, и в этой связи было решено усилить работу в этом направлении. Такова причина появления секретного циркулярного предписания главного начальника III отделения и шефа жандармов В.А. Долгорукова от 15 ноября 1857 г., которое требовало от местных жандармских властей сообщения сведений о состоянии общественного мнения во вверенных их над-

зору губерниях. Результатом этого постановления стало появление специального архивного дела под названием «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений, относительно расположения умов в губерниях и происходящих толках и рассуждениях». Дело это состоит из 42 частей (2) и содержит сведения почти по всем губерниям.

Так получилось, что из подавляющего большинства губерний поступили материалы о состоянии общественного мнения той или иной степени полноты, но из Рязанской губернии пришла записка несколько иного содержания и направленности. Она касалась злоупотреблений в местных учреждениях губернии и заслуживает внимания несмотря на то, что исследователям-историкам она известна. Но ее следует понимать в общем плане состояния страны как таковой, а также с учетом всех нюансов этой записки, заслуживающих специального разбора и комментариев. Для этого имеются полные основания, поскольку та часть упомянутого дела, которая посвящена Рязанской губернии, содержит 80 страниц.

Хотя еще в конце XIX в. появилась специальная статья А.Н. Неклюдова о взяточничестве и лихоимстве в России (3), нельзя не согласиться с П.А. Зайончковским, предметно изучавшим правительственный аппарат дореволюционной России, в том плане, что «всеобщее «мздоимство» и «лихоимство» почти не находит своего отражения в официальных документах.

По мнению того же автора, наиболее широко процветало в середине XIX в. взяточничество и воровство в губернской администрации (4). Император Николай I знал о всеобщей коррупции в государстве и даже поручил тому же III отделению разобраться в том, кто из губернаторов не брал взяток. Результат оказался весьма плачевным. Из 55 губернаторов лишь трое взяток не брали. Это был богач Н.Е. Писарев, бывший декабрист А.Н. Муравьев и сын автора известного путешествия А.А. Радищев (5). Никаких особых действий со стороны императора после этого не последовало.

Хотя русская литература весьма богата описанием разного рода злоупотреблений, прежде всего взяточничества, достаточно упомянуть сочинения Н.В. Гоголя, А.В. Сухова-Кобылина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, однако по истории русской взятки исследовательских работ еще очень мало.

На сегодняшний день самой крупной работой по истории русской коррупции является книга польского историка Анджея Хвальбы, посвященная, однако, периоду после реформы 1861 г. (6). Кстати, эта книга переводится на русский язык и в этом переводе должна скоро увидеть свет.

Взяточничество дореволюционной России нашло отражение в монографии О.В. Моряковой (7), в специальной статье Л.Ф. Писарьковой (8), а также в некоторых других работах.

Среди них следует отметить монографию Л.Е. Шепелева о чиновном мире России, где автор останавливается на материальном и правовом положении российского чиновничества. Касаясь взяточничества среди чиновников, Л.Е. Шепелев пишет: «Взяткодатели считали умеренное «подношение»

чиновнику делом справедливым и естественным – дополнительным вознаграждением за малооплачиваемый труд... Разлагающее влияние взятки на государственный аппарат и все русское общество как тогда, так и позже было огромно» (9).

Записка из Рязанской губернии появилась в условиях подготовки реформы, когда заметно менялась обстановка, сложившаяся в предшествующее царствование. В Отчете III отделения за 1861 г. подчеркивалось следующее: «Утвердившаяся в наших периодических изданиях гласность и общественные мнения касаются наиболее мелких злоупотреблений и чиновников; но иногда осуждению подвергаются начальники губерний и другие значительные лица» (10).

Составление упомянутой записки из Рязанской губернии не было инициативой самих рязанских властей. Она была заказана сверху. В октябре 1857 г. штаб-офицер корпуса жандармов подполковник П.П. Ивашенцов получил аудиенцию у самого В.А. Долгорукова. Шеф жандармов обратил внимание своего подчиненного на положение дел в Рязанской губернии, в частности на действия присутственных мест и лиц губернского управления, отметил неудовлетворительное состояние губернии вообще и приказал представить подробную записку по этим вопросам.

Уже 16 ноября того же года подполковник Ивашенцов доносил Долгорукову о подготовке данной записки и, среди прочего, отметил: «Лихоимство есть цель всех, за весьма небольшим исключением, служащих в Рязанской губернии лиц и господствует во всех без изъятия Присутственных местах оной. Отсюда – необъяснимая медлительность в ходе дел; отсюда – чрезвычайное накопление бумаг, служащих к умышленной проволочке дел; отсюда – натянутость и ложность в толковании закона; отсюда – направленное решение дел и поводы к новым жалобам; отсюда, – наконец, и весь тот длинный ряд всевозможных злоупотреблений, которые тяжким бременем легли на целое общество и породили тысячи недовольных» (11).

Жандармский подполковник во всех этих нарушениях прямо обвинял губернатора Новосильцова и подчеркивал, что упадок уважения к правде, долгу и закону ощущался во всех частях управления и «произвол, основанный на лихоимстве, служит как бы девизом почти всем местным властям». Автор записки прежде всего останавливается на губернском правлении и, обвиняя в нерадивости начальника губернии, вместе с тем часть вины в губернских беспорядках возлагает также и на Министерство внутренних дел.

Оказывается, министерство в результате донесения графа Толстого о крайне неудовлетворительном состоянии Рязанской губернии еще в июле 1856 г. произвело ревизию губернских присутственных мест, в результате чего были выявлены различные злоупотребления, но никаких мер принято не было. Общая ситуация не изменилась. И далее подполковник Ивашенцов прежде всего останавливается на Казенной палате, том присутственном месте, где лихоимство, по его словам, имеет более обширные размеры.

При этом, как он подчеркивал, оно, облакаясь в некую официальность, «принимает святотатственно вид законности, – служит корнем этому постыдному злу в губернии и соблазнительным примером подражания для служащих в других губернских местах».

Итак, что же стало источниками лихоимства чиновников Казенной палаты? Автор записки относит к ним откупа, рекрутскую повинность, проверку денежной отчетности всех присутственных мест губернии и разные денежные выдачи. Эти злоупотребления, по словам подполковника Ивашенцова, наносят вред не только частный и общественный, но и государственный. Автор приводит данные о потерях государства от откупов.

В подтверждение этого он последовательно обращается к каждому из четырех отделений Казенной палаты – Питейному, Ревизскому, Контрольному и Казначейскому – и показывает, как каждое из них порознь имеет свой прибыльный источник обогащения. Этими злоупотреблениями объясняется, по его словам, поразительная разница в жизни чиновников Казенной палаты и чиновников других ведомств. Как он далее пишет, последние, за небольшим исключением, живут бедно и тихо, «а первые пользуются всеми общественными удовольствиями, многие из них имеют собственные дома и ведут жизнь роскошную, в особенности занимающие старшие должности» (12).

Как утверждал подполковник Ивашенцов, можно справедливо считать Казенную палату корнем губернского лихоимства, тем более что существование подобного зла в других местах преследуется общественным мнением, «а для Казенной палаты оно сделалось столь преступным, что так называемые доходы оной считаются позволительными, безгрешными» (13). И затем он добавляет, в Казенной палате берутся тысячи, а в других присутственных местах только рубли.

После этого автор записки бросает обвинения в адрес Министерства финансов, бездействие которого толкуется общественным мнением как покровительство, и по этой причине откупной и рекрутский доходы считаются позволительными.

Подводя итог деятельности рязанской Казенной палаты, подполковник Ивашенцов, собственно, говорит вообще о всех подобных палатах в стране. Как он пишет далее: «Доколе не будут уничтожены настоящие начала казенных палат, до тех пор повсеместное лихоимство в губернии неискоренимо» (14).

По его мнению, уничтожение всех этих злоупотреблений вполне возможно и легко в том случае, если Министерство финансов обратит должное внимание на личный состав казенных палат и к их очищению примет серьезные меры, подобно тому как это делалось в то время по отношению к Министерству государственных имуществ. В чистке последнего он видит самые благодетельные последствия.

Разобрав действия чиновников Казенной палаты, автор записки обращается к деятельности Палаты государственных имуществ. Он пишет, что еще в прошлом, 1856 г., Палата государственных имуществ практически не отличалась по своим действиям от Казенной палаты и Губернского правления.

Процветало то же лихоимство и те же злоупотребления, одним из последствий которых было бедственное состояние крестьян и постоянная значительная недоимка государственных податей. Понятно, что и здесь необходимо принятие решительных мер.

Не миновал своим вниманием подполковник Ивашенцов и рязанских Палат гражданского и уголовного судов. Обе эти палаты, подчиненные Министерству юстиции, по его словам, «до того обижены содержанием в сравнении с присутственными местами других министерств, что до увеличения штата в оных никакие меры правительства не могут быть действительными к уничтожению в сих палатах взяточничества». А без получения взяток, по утверждению автора записки, многие из чиновников этих палат в связи с очень скудным получаемым от казны жалованием не в состоянии иметь даже по фунту черного хлеба в сутки.

Он приводит данные о жалованье чиновников этих палат, и они, оказывается, были следующими. Одни из них получали по 1 руб. серебром в месяц, другие – 75 коп., третьи – 50 коп., а четвертые – даже по 25 коп. серебром в месяц. И жандармский подполковник далее восклицает: «Вправе ли правительство ожидать ревностного и бескорыстного исполнения долга там, где не обеспечено даже простое материальное в тесном смысле существование служащих? Где нищета доходит до самых крайних пределов и заставляет этих несчастных тружеников завидовать участи сторожа той же Палаты и подражать нищему в добытии ломтя насущного хлеба? Есть чиновники, которые даже в день св. Пасхи не в состоянии разговеться фунтом мяса» (15). Автор записки далее пишет о разительном контрасте между службой в этих учреждениях и службой в Казенной палате.

В записке не говорится о тех мерах, которые принимались по отношению к провинившимся чиновникам, а также к взяточникам. Вместе с тем в литературе отмечено постепенное оскудение рязанского дворянства на протяжении первой половины XIX в. (16). Это привело даже к сокращению числа помещиков в Рязанской губернии. По данным И.Д. Ковальченко, в 1815 г. в губернии отмечен 6471 помещик, а в 1857 г. их было только 5215 (17), т.е. на 1256 меньше. А, как известно, значительная часть чиновничества пополнялась за счет обедневших дворян. Результатом их противоправных действий стало увеличение судебных дел. По последним данным, под судом и следствием в первой половине XIX в. было примерно 600 дворян. Всего же дворян в губернии на 1859 г. было 8,2 тыс. (18).

Особое внимание подполковник Ивашенцов в своей записке уделяет рязанской полиции. По его словам, рязанская городская полиция находится на невероятной степени упадка и привлекает особое внимание правительства. Работу полиции он характеризует следующими словами: «Рязанская градская полиция дает чувствовать свое существование не ограждением порядка, спокойствия и общественной безопасности, а напротив нарушением оных всевозможными злоупотреблениями. Повседневные воровство, мошенниче-

ство и грабежи, по которым почти никогда не открывается ни виновных, ни вещей, лучше всяких доказательств свидетельствует о действиях полиции. Бросив взгляд на личный состав здешней полиции, невольно приходишь к заключению, что иначе и быть не может» (19).

Рязанская полиция, таким образом, не отличалась по своим нравам и действиям от полиции других городов России. О злоупотреблениях в ее среде отмечалось и раньше, и позже. Например, в Отчете III отделения за 1832 г. прямо и недвусмысленно писалось о нескончаемых жалобах на полицию Петербурга, причем, как там отмечалось, жалобах правильных. Там даже имелись следующие слова: «Все единогласно согласуются в том, что полиция здешняя столь ничтожна, что можно сказать, она не существует» (20). Нравы полиции не менялись и позднее. Генерал Д. Никифоров, уже описывая московскую полицию пореформенной поры, подчеркивал, что эта «полиция в большинстве случаев состояла из служебных отбросов, которые не только тайно, но даже явно брали взятки, не стесняясь ни общественным мнением, ни тысячью глаз, смотрящих на это беззаконие» (21).

А если обратиться к состоянию полиции в соседней с Рязанской Тамбовской губернии, то, по данным руководителя местного жандармского управления полковника Безяева, относящихся к июню 1862 г., «самая несостоятельная часть губернских учреждений это полиция». И несколько далее тот же полковник писал: «Городская полиция с более определенной властью с большими средствами как имеющие в своем ведении команды, но с чрезвычайно умеренными штатами, старается приобрести средства к жизни, а некоторые и к обогащению, отступлениями от закона и злоупотреблением власти, это положительно самая худшая часть в Тамбовской губернии, а хуже всех в этом отношении Тамбов и Моршанск» (22).

Следовательно, действия рязанской полиции ничем не отличались от полиции других российских городов, прежде всего обеих столиц. Не было исключением и вообще положение рязанского чиновничества того времени. С одной стороны, откровенная бедность одной его части, с другой разнузданность и лихоимство другой. Однако в общественном мнении особое внимание уделялось, естественно, взяточникам – горлохватам, ставших гнойным наростом на теле общества. Как отмечается в современной литературе, в провинции чиновник стал важнейшей фигурой, оттеснив на второй план сословную знать, за исключением немногих ее представителей, находившихся на государственной службе (23).

Поэтому антибюрократический налет характерен для многих сочинений эпохи кануна Крестьянской реформы 1861 г. В герценовских «Голосах из России» К. Кавелин и Б. Чичерин – виднейшие представители русского либерализма – в своем «Письме к издателю» прямо писали об алчной, развратной и невежественной бюрократии, видя в ней прямого врага России и называя ее тиранией «нового рода» (24). Там же Н. Мельгунов выступает против чиновничества и ратует за ограничение произвола бюрократии (25).

Буквально все беды страны видели в бюрократии славянофилы и едко бичевали ее. А.И. Кошелев посвятил борьбе против бюрократии отдельную главу в своей брошюре под названием «Какой исход для России из нынешнего ее положения?». В ней бюрократия, назначенная, по словам автора, самим царем, предстает как нечто совершенно «самостоятельное, столько же вредное для государства, сколько гибельное и ненавистное для России и даже для того сословия, из которого она исходит». Главное для бюрократа – это статус-кво, увековечение своих выгод. И, как пишет Кошелев, «пресечь бюрократию постепенно нельзя. Надобно пресечь корень зла, а это можно совершить только через кровавые революции или посредством благовременного искреннего и полного единения царя с народом» (26).

Как свидетельствуют современные исследователи, Николай I, действительно, придавал большое значение поиску достойных кандидатов на занятие ключевых должностей в губернской администрации. При этом он прибегал к помощи III отделения и Корпуса жандармов и лично А.Х. Бенкендорфа, нередко сообщавшего императору свое мнение по поводу того или иного губернатора (27). Из года в год шеф жандармов докладывал о взяточничестве и волоките в губернских и уездных судебных местах.

Кое-какие меры принимались, но общая система лихоимства сохранялась (28). Такую же участь постигла и судьба записки подполковника П.П. Ивашенцова. Уже 9 декабря 1857 г. на его имя было отправлено официальное письмо генерала А.Е. Тимашева, будущего министра внутренних дел, а в это время начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего III отделением, где выражалась благодарность за его донесение от 16 ноября того же года. Дословно в письме генерала писалось: «...генерал-адъютант князь Долгоруков, найдя донесение сие весьма удовлетворительным и совершенно соответствующим требованиям Его Сиятельства, поручил мне выразить Вам свое удовольствие» (29).

Однако удовольствие шефа жандармов не привело к искоренению злоупотреблений ни в Рязанской губернии, и в России в целом. Коррупция продолжала процветать.

Как справедливо пишет Л.Е. Шепелев, «официально взятка никогда не оправдывалась и бичевалась как законом, так и сатирой. Однако в большинстве случаев она оказывалась неуловимой» (30). Несмотря на то, что в течение царствования Александра II оклады чиновников были постепенно увеличены в два раза (31), ни о ликвидации взяточничества, ни даже о его сокращении говорить не приходится. Взятка как была, так и осталась неизменным спутником повседневной российской жизни. Официально ее осуждали, но искоренить ее не удавалось.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. – М., 2006. – С. 17.
- (2) ГАРФ. – Ф. 109. – I эксп. – Оп. 32 (1857 г.). – Д. 321. – Ч. 1–42.

- (3) Неклюдов А.Н. Взятничество и лихоимство // Юридическая летопись. – 1890. – № VI.
- (4) Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 143.
- (5) Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: Курс лекций. – М., 1997. – С. 112.
- (6) Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji I Królestwie Polskim w latach 1861–1917. – Krakow, 1995.
- (7) Морякова О.В. Система местного управления в России при Николае I. – М., 1998. – С. 88, 187, 192.
- (8) Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. – 2002. – № 5. – С. 33–49.
- (9) Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. – СПб., 2001. – С. 116.
- (10) ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 223. – Д. 26. – Л. 64 об.
- (11) ГАРФ. – Ф. 109. – 1 эксп. – Оп. 32 (1857 г.). – Д. 321. – Ч. 21. – Л. 1 об.
- (12) Там же. – Л. 25 об.
- (13) Там же. – Л. 26–27.
- (14) Там же. – Л. 28.
- (15) Там же. – Л. 32–32 об.
- (16) Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. – М., 1959. – С. 114, 264.
- (17) Там же. – С. 135.
- (18) Корчмина Е.С. Дворянское сословное самоуправление в первой половине XIX в. (на материалах Рязанской губернии): Автореф. дисс. ... к.и.н. – Владимир, 2010. – С. 16, 18, 20.
- (19) ГАРФ. – Ф. 109. – 1 эксп. – Оп. 32 (1857 г.). – Д. 321. – Ч. 25. – Л. 34 об.–35.
- (20) Россия под надзором. – С. 95; ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 223. – Д. 1. – Л. 171 об.
- (21) Никифоров Д. Москва в царствование Александра II. – М., 1904. – С. 24.
- (22) ГАРФ. – Ф. 109. – 1 эксп. – Оп. 32 (1857 г.). – Д. 321. – Ч. 25. – Л. 7 об.–8.
- (23) Морякова О.В. Система местного управления... – С. 4.
- (24) Голоса из России. – Вып. I. – Ч. I. – С. 13–17; Комментарии см.: Голоса из России: Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. – М., 1975. – Вып. 4-й. – Кн. X. Комментарии и указатели. – С. 55–58.
- (25) Голоса из России. – Вып. I. – Ч. I. – С. 89.
- (26) Цит. по: Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. – М., 1994. – С. 225.
- (27) Бибииков Г. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. – М., 2009. – С. 225–227.
- (28) Там же. – С. 228.
- (29) ГАРФ. – Ф. 109. – 1 эксп. – Оп. 32 (1857 г.). – Д. 321. – Ч. 21. – Л. 40.
- (30) Шепелев Л.Е. Чиновный мир России... – С. 116.
- (31) Там же. – С. 121.



## **CORRUPT PRACTICE OF RYAZAN PROVINCE LOCAL AUTHORITIES ON THE EVE OF PEASANT REFORM OF 1861**

**V.Ia. Grosul**

«History of Russia in 19<sup>th</sup> century» Center  
Russian History Institute RAS  
*Dm. Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 115036*

The article is about corrupt practice of Ryazan province local authorities at the end of 50s 19<sup>th</sup> century. First and foremost native and foreign literature on bribe history in pre-revolutionary Russia is stated and it is marked that there are still very few official facts on bribe taking in Russia to be exposed. The author pays particular attention to a special note discovered by him in the Record office of III department of His Imperial Majesty chancellery which fulfils our folkways on the level and proportions of extortion and corruption in the Russian province in the middle of 19<sup>th</sup> century to a considerable degree.

**Key words:** corruption, extortion, bribe, clerk, governor, III department, governors institution, Fiscal chamber.